

рассматриваться либо как ошибочная, либо как ложная по своему замыслу.

В тесной связи с решением данной проблемы находится задача определения типа создавшейся культуры. Без выяснения, какой в социально-политическом плане была культура, мы не преодолеем фрагментарность историко-культурных описаний, отраслевой характер изучения культуры, принцип комментаторства ("с одной стороны - с другой стороны..."). Картина культурного развития не выйдет в этом случае за рамки перечисления положительных и отрицательных примеров.

Между тем, вопрос о генеральном типе культуры советского общества вполне решаемый, что не означает отрицания разнообразия культурных проявлений в отдельных социальных группах и национальных общностях. Он решается через выявление той доминанты, которая в специфических условиях советского строя формировала культуру по своему образу и подобию. Это - политико-идеологическое ядро, составляющее сердцевину КПСС. Именно партия определяла все основные параметры новой культуры и соответственно черты нового человека. Все они объединяются понятием тоталитарности, какое и определяет тип культуры.

Историкам, как нам представляется, предстоит разобрать модель тоталитарной культуры и на ее основе провести конкретно-исторический анализ источников. В этом случае возможны реконструкция реального процесса и преодоление существовавшего много десятилетий мифа о великой культурной революции и ее победе в СССР. На этом пути станет возможным и выяснение исторических причин в сфере духовной жизни, которые привели наше общество к кризису.

Е.Т.Артемов
Екатеринбург

Восточные районы страны в советской научной политике: декларации и реальность

В отечественной историографии, как правило, дается высокая оценка эффективности региональной научной политики советского государства. Утверждается, что если для дореволюционной России была характерна резкая неравномерность в размещении научных учреждений и научных

кадров, то в последующие годы ситуация коренным образом изменилась. В ходе реализации стратегии регионального развития, разработанной новым режимом, ушла в прошлое неоправданная концентрация научного потенциала в Петербурге и Москве. Произошло территориальное рассредоточение научных сил, их пространственное сближение с производством.

Особо отмечаются опережающие темпы роста научного потенциала в восточной макроне страны. Это подается как результат продуманной, целенаправленной деятельности советского руководства, в целом правильно понимавшего объективную потребность в такой политике. Причем ее истоки относятся к началу века, когда достаточно явно обозначилось смещение вектора пространственного развития России во внутренние, континентальные районы.

На мой взгляд, такая интерпретация хода научного строительства нуждается в существенных коррективах. Дело в том, что она основывается на некритичном восприятии официальных партийно-правительственных установок. Действительно, уже первыми пятилетними планами предусматривалось "приближение научной работы к нуждам промышленности и сельского хозяйства", "укрепление сети научных учреждений на индустриализующихся окраинах". Аналогичные решения принимались и в последующие годы. С завидным постоянством ставилась задача "рационализации" размещения научного потенциала, его приоритетное развитие в восточных районах.

Однако, если обратиться к анализу реальных процессов, то становится ясно, что этих, широко афишируемых целей достичь не удалось. Создание сети стационарных научных учреждений на Урале и в Сибири в 30-е годы, организация региональных отделений Академии наук и другие подобные примеры, конечно, впечатляют. Вместе с тем, обобщающие данные свидетельствуют, что принципиальных изменений в размещении научного потенциала не произошло. В частности, и в конце 20-х годов, и в начале 60-х годов, удельный вес Москвы и Ленинграда в общей численности научных работников, занятых в исследовательских учреждениях Советского Союза был практически одинаков. На их долю приходилось несколько больше половины всех научных сотрудников в первом случае и несколько меньше - во втором. В то же время, Урал, Сибирь и Дальний Восток не располагали и десятой частью

кадрового потенциала советской науки. И это - после разрекламированных акций начала 30-х и второй половины 50-х годов по расширению ее географии. В последующие годы, если что и изменилось, то скорее к худшему. Удельный вес Урала, Сибири и Дальнего Востока в научном потенциале оставался значительно меньше, чем доля в населении и в валовом внутреннем продукте страны.

Несовпадение планов и результатов региональной научной политики требует объяснения. И здесь напрашивается следующая альтернатива. Либо декларированные цели принципиально отличались от действительных намерений, либо неуправляемость экономики была таковой, что центральные органы не имели возможностей и средств для осуществления своих решений. К сожалению, нынешний уровень разработки проблемы не позволяет дать окончательного ответа на этот вопрос. Однако в предварительном порядке попытаемся высказать свое суждение. Думается, что несоответствие официально провозглашенных и действительных целей было органично присуще советской и внутренней, и внешней политике. Вместе с тем, в два-три последние десятилетия резко возросла неуправляемость экономического и социального развития. И этот фактор, пожалуй, стал главным препятствием для более сбалансированного размещения научного потенциала.

Сохранение такого положения может иметь весьма опасные последствия с точки зрения национальных интересов. Отсутствие на местах достаточных научных сил перемещает источники экономического и социально-культурного роста за пределы соответствующих территорий. Не исключено, что в условиях активного втягивания нашей экономики в мировое хозяйство, они вообще могут оказаться вне пределов страны. По крайней мере, для Дальнего Востока, Сибири и Урала такое развитие событий вполне вероятно. Следовательно, выдвинутый шесть десятилетий назад тезис о необходимости "восточного сдвига" науки не утратил свою актуальность. Дело только в его подкреплении практическими действиями и на региональном, и на федеральном уровне.